

ВЛАДИМИРУ ПРОКОПЬЕВИЧУ АНИКИНУ — 90 лет

Владимир Прокопьевич Аникин принадлежит к поколению филологов, которые пришли в вузовские аудитории с фронтов Великой Отечественной войны. В годы войны В. П. Аникин служил шифровальщиком в составе 4-й воздушной армии Кавказского фронта, за участие в боевых действиях награжден Орденом Отечественной войны и 160 медалями.

В 1950 г. В. П. Аникин окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1954 г. под руководством В. И. Чичерова защитил кандидатскую диссертацию «Значение народной поэзии в творческом развитии Алексея Николаевича Толстого», а в 1974 г. — докторскую диссертацию «Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин». В 1979 г. стал заведующим кафедрой русского устного народного творчества. В память о своем учителе Владимир Прокопьевич выступил инициатором и редактором издания монографии В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья» (1982).

В. П. Аникин внес значительный вклад в изучение былин, сказок, календарного и свадебного обрядового фольклора, малых жанров народной поэзии, фольклоризма русских писателей XIX—XX вв. Библиография печатных трудов В. П. Аникина насчитывает более 400 названий, в том числе 23 монографии. Широко известны и активно используются в вузовском и школьном образовательном процессе его книги «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» (1957), «Русская народная сказка» (1959; 2-е изд. — 1977) «Русский богатырский эпос» (1964); «Теория фольклора: Курс лекций» (1996; 2-е изд. — 2004); «Русское устное народное творчество» (2001); «Русское устное народное творчество. Хрестоматия» (2006); «Устное народное творчество» (4-е изд. — 2011).

В течение всей научной и творческой биографии Владимир Прокопьевич много внимания уделял вопросам популяризации фольклора. Многотысячными тиражами выходили и выходят сегодня составленные им сборники

1940-е годы

былин, сказок, песен, малых жанров фольклора, в том числе — в известных сериях «Школьная библиотека», «Библиотека мировой литературы для детей», «Сказки народов мира», «Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре».

В. П. Аникин — учитель многих поколений отечественных и зарубежных фольклористов, с которыми поддерживает связь и по сей день. Под его руководством защитились более 40 кандидатов и 15 докторов наук.

Владимир Прокопьевич — живой свидетель более чем полувекковой истории отечественной фольклористики, коллега, собеседник, нередко горячий оппонент и многолетний корреспондент В. И. Чичерова, А. М. Астаховой, В. Е. Гусева, К. В. Чистова и других известных ученых, чьи письма, рецензии и отзывы бережно хранит.

Заслуженное внимание широкой читательской аудитории привлекают опубликованные мемуары В. П. Аникина¹, значительное число воспоминаний — в черновиках, и еще множество памятных тем и событий ждут своей записи и обработки.

Ученики и коллеги поздравляют Владимира Прокопьевича со знаменательной датой, желают ему здоровья, душевного мира и жизненного благополучия!

¹ Аникин В. П. Лев Толстой и Леонид Леонов // Москва. 2000. № 11. С. 163—191.

В. П. АНИКИН
(Москва)

О ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1. Вопрос об отношении фольклора к художественному творчеству не простой и важнейший. Решение его можно было бы и отложить до лучших времен, когда поступательный ход науки сам всё расставит по своим местам, но ждать нельзя. Судьба структурализма в фольклористике может научить того, кто задумается над тем, чем обернулись для науки изыски этого научного направления. Между прочим, и это направление по-своему решало вопрос о междисциплинарных отношениях — по связи с пониманием предмета исследования. Фольклор толковался как язык со своей *кодовой знаковой системой*. Природа фольклора отождествлялась с природой языка. Последовал перенос методов исследования языка на изучение фольклора. Между тем, *на языке* не означает *язык*. У кого ныне сохранилось такое понимание фольклора и такое отношение фольклористики к лингвистике? Структурализм в фольклористике тихо скончался, уже не ведет себя так, как при крикливом рождении и в годы буйной молодости. Не многие ныне считают, что время структурализма миновало — мы, мол, давно вступили в *постструктуралистический* период. Это только хорошая мина при плохой словесной игре. Возродить погибшее направление невозможно, если даже искать лазейки: структурализм, мол, «растворился» в других направлениях. Он не растворился — он просто был отвергнут по причине, что изначально был заблуждением и отказом от *предметного* изучения фольклора и всех областей гуманитарного знания, связанных с изучением языка.

Чтобы неверные решения вопроса об отношении фольклора к искусству как части проблемы междисциплинарных отношений не породили новую цепь заблуждений, надо вникнуть в суть понимания предмета фольклористики

как науки о фольклоре. Он отличается такой спецификой, которая может быть адекватно раскрыта с помощью приемов и подхода, вытекающих из истолкования самого предмета изучения.

В этих заметках постараюсь в границах темы осветить и существо междисциплинарных отношений — на основе решения вопроса, как понимать природу фольклора в его отношении к художественному творчеству.

2. В современных работах имеет место несколько решений вопроса об отношении фольклора к художественному творчеству, в частности к художественной литературе. **Первое** решение: их отношение — отношение *тождества*, **второе** — это отношение *полной раздельности* и **третье** решение — оно предполагает *частичное совмещение* при раздельности объема каждого предмета. Рассмотрим эти типы решения вопроса конкретно.

Решение вопроса, сводящееся к мысли о *тождестве* фольклора и художественного творчества (художественной литературы), возникло в результате переноса в фольклористику принципов и подходов литературоведческого анализа. Такое понимание междисциплинарного отношения фольклористики и литературоведения возникло в 20-е гг. миновавшего столетия и утвердилось благодаря работам Ю. М. Соколова, М. К. Азадовского, их многочисленных учеников и последователей. Направление возникло под влиянием приоритетного уяснения в фольклоре системы идеологических представлений и понятий крестьян, рабочих, купечества, деклассированной среды и др. Равно основанием было стремление установить вид и формы сближения фольклора и литературы. Их близость была отмечена еще в Средние века. Происходило заимствование из религиозной литературы, что выразилось, в частности, в легендах и духовных стихах. Позднее, в новое время имело место воздействие профессионального театра на драму. Начиная с XVIII века произошло знакомство народа с песенниками; наконец, по образцу литературных куплетов во 2-й пол. XIX столетия возник особый фольклорный жанр — частуш-

ки. Не называю всех форм сближения и даже тождества фольклора и литературы (в жанрах фольклорного сказа, переделки известных образцов авторской поэзии и проч.).

Пониманию такого отношения фольклора к художественной литературе немало способствовало и то обстоятельство, что многие ведущие исследователи преподавали фольклор на словесных факультетах вузов: Ю. М. Соколов, М. К. Азадовский, Н. П. Андреев так же, как и их учителя, среди которых был знаменитый А. Н. Веселовский и другие известные литературоведы.

К сожалению, приходится отмечать, что данное направление после 1917 г., и в особенности в 30—40-х гг. искало и находило государственную поддержку, когда стали характеризовать область реальных, чаще мнимых идеологических симпатий и антипатий народа. Здесь в полной мере обнаруживала себя тенденциозность и вульгарное социологизирование.

Как относиться к «литературоведческому» направлению в фольклористике? Оценивая давний опыт выяснения отношений науки о фольклоре к науке о художественном творчестве, надо отделять *общее* заблуждение относительно отождествления фольклора и художественного творчества от безусловно правильных наблюдений и суждений, которые подтверждались конкретными разысканиями. Однако суть в том, что объем понятия «фольклор» *не покрывается* объемом понятия «художественное творчество», тем более — объемом понятия «художественная литература».

3. Другая точка зрения на отношение фольклора к художественному творчеству сформировалась преимущественно как противопоставление предыдущей и сводилась к принципиальному разведению фольклора и художественного творчества. В их отношении усмотрели раздельность. Согласно такому пониманию фольклор и художественное творчество — разные области. Объемы их не пересекаются и не совмещаются. Такова точка зрения и ряда современных фольклористов. По их представлениям, к фольклору надо применять не литературоведческие (вообще, искусство-

ведческие), а иные приемы и подходы. Какие? Ответ по всем правилам логики, казалось бы, должен быть таким: *свои*, особенные, фольклористические. Но следовал другой ответ. Будто бы необходимы *этнографические* приемы и методы. Направление практически *совместилось* с этнографией — в лучшем случае с методами этнографии в том понимании их, какое существовало у науки о народном быте в изначальном состоянии. В обновленном виде современная этнография стала похожа на общую социологию с упором на изучение этносов, культуры этноса (это произошло в позднее время преимущественно и под влиянием работ академика Ю. В. Бромлея).

Этнографическое направление в изучении фольклора было представлено в прошлом трудами блестящей плеяды исследователей крестьянского быта, среди которых ближе других к постижению бытовой природы фольклора подошел Д. К. Зеленин. К оценке этого направления необходимо еще вернуться, а пока имеет смысл охарактеризовать тип отношения фольклора к художественному творчеству (соответственно, и отношения наук), которое отвечает сути дела.

4. Допускаю и такой взгляд на отношение фольклора к художественному творчеству, когда предполагается, что объемы понятий «фольклор» и «художественное творчество» совмещаются, но лишь *частично*. За пределом совмещения (о *каком* совмещении по сути при этом думают, пойдет речь дальше) является отождествление несовместимых областей культуры. При таком понимании отношения фольклористики к литературоведению (а равно и к искусствоведению как науки о художественном творчестве вообще) литературоведческий (искусствоведческий) анализ в фольклористике имеет ограничения — но не по сути приемов, и по *сфере* применения. Здесь наблюдается *избирательность* (что-то годится, а что-то необходимо отвергнуть). Такое понимание внешне отводит отождествление фольклористики и этнографии. Как *общее* решение такое отождествление неприемлемо. Необходим лишь *частный*

учет всей совокупности данных, добытых этнографией как наукой, — особенно в той ее области, которая касается *бытовых основ* устного народного художественного творчества.

Логика изучения темы обязывает при изучении фольклора, где в основе неприемлемы приемы литературоведения, искусствознания, к разработке своих приемов и подходов, вытекающих из особенной природы фольклора. Они специфичны и лишь частично совпадают с этнографическими, а равно и с литературоведческими. У этнографии, особенно в ее настоящем виде, как у социологической науки об этносах есть область изучения, весьма далекая от фольклористики, но использовать даже эти области знания, не говоря об иных, связанных с постижением бытовой природы фольклора, необходимо, но только с оговорками и поправками. Общая польза самого обращения к смежным наукам (как принцип) не может быть при этом поставлена под сомнение. И современные споры о том, как фольклористика относится к этнографии, не об этом. Размежевание точек зрения относительно наук проходит не по линии брать или не брать данные смежных наук, а по линии принципиальной отдельности фольклора и художественного творчества.

5. Ради разъяснения сути дела рассмотрим заговор, народную словесную магию. Можно согласиться, что, взяв такой материал, мы ставим себя в наименее выгодное положение. Ведь заговор — область, где всего удобнее развить мысль о тождестве этнографии и фольклористики.

Среди материалов, записанных участниками экспедиций филологического факультета МГУ, есть «отсушка» (она включена в состав обширного сборника, который опубликован кафедрой в недавнем прошлом). Считалось, что помешать сопернице можно, если заварить чай на «семисуставной» траве (сборе из семи трав) и дать выпить той, которой хотят навредить. При этом произносили слова: «Как блёкнет закат над чистым полем, так поблёкни румянец на алых щеках, как туманом ясны звезды призакроются, так затми пеле-

ной очи молодецкие, как поутру росу солнце иссушит, так иссохни-завянь краса девичья злой разлучницы (*имя*). Ключ, замок. Аминь». Надо быть глухим и бесчувственным, чтобы не заметить тут высокой поэзии. Это не только обрядовое действие, но и поэзия по всем приметам и свойствам — смыслу, образности, композиции, ритму, стилю. Но, конечно, это не творчество, предполагающее творчество с *сознательным* поэтическим вымыслом. Это прежде всего проявление *реальной* жизни, выражение практической цели, которую себе ставит человек, прибегающий к помощи заговорного слова. Но утилитарность не мешает заговору *объективно* быть во многом художественным творчеством, хотя в заговоре нет и помысла о нем. А разве, спросим себя, в иных авторских, литературных произведениях не имеет места в принципе аналогичная ситуация? Можно бы здесь назвать (да и каждый назовет) случаи, когда авторы сочиняют практические произведения — государственные гимны, марши, пишут публицистические стихи с конкретным жизненным назначением. Даже литературные басни с их широкими художественными ассоциациями порой имеют в виду конкретных лиц и конкретные жизненные ситуации. К примеру, таковы басни И. А. Крылова, в частности — «Волк на псарне». Первоначально имелся в виду Наполеон, попавший после вторжения в Россию в гибельное положение.

Конечно, художественный образ в заговоре *практически* всегда функционален, но его *объективная* поэтическая суть от этого не меняется. Бытовой целевой «контекст» художественного творчества (независимо от того, носит оно сознательный или бессознательный характер) не меняет природы представшего перед нами феномена поэтического творчества. Только для постижения его надо выйти из границ привычных представлений о художественном творчестве, якобы исходящем только от автора как творца свободного вымысла.

На основании установления *объективного* факта эстетической природы образности в заговоре (хотя художе-

ственное творчество тут «бессознательно», не является авторским в привычном смысле) можно отвести тезис: «Фольклор не художественное творчество потому, что утилитарен, практически функционален». Вместе с устранением этого тезиса должен быть отвергнут и другой — тезис о том, что фольклор — исключительный объект только этнографического (или еще какого-то иного) изучения. *Бытовой контекст — не текст*. Слово в фольклоре объективно художественно даже в случаях, когда его творцы не ставят перед собой эстетических целей. А о случаях, когда в фольклоре прямо решаются чисто художественные цели (в жанре сказки, прибаутки, загадки, частушки и др.), нечего и говорить. Тут дело очевидное.

6. По вышеизложенным соображениям не могу не признать основательной претензию этнографии на исключительное и *полное* постижение предмета изучения в науке о фольклоре. Такую претензию мог бы предъявить скорее филолог, исследователь художественного творчества, видящий в фольклоре искусство слова, но и для него не допускаю оправданности такой претензии, так как фольклор как искусство возникает в бытовом контексте, и знание, изучение его обязательно для исследователя. *Текст* не может быть заменен бытовым *контекстом*, а *слово* стало бы непонятным, если было бы отделено *от быта*. В этой связи возвращаюсь к характерному эпизоду формирования самой претензии этнографии на постижение *всего* фольклора — с сопутствующим намерением рассматривать фольклористику как исключительную принадлежность этнографии, что показательно для истории этнографической экспансии и ее посягательств на самостоятельность своей особенной фольклористики.

Напомню о том, как и кем в недавнем прошлом было сформулировано намерение превратить фольклористику в исключительную принадлежность этнографического изучения. В 1991 г. в издательстве «Наука» вышел очередной, четвертый выпуск «Народные знания. Фольклор. Народное искусство», завершивший «Свод этнографических

понятий и терминов»¹. Сборник долго шел в печать и характеризовал положение, уже сложившееся в науке. Однако важнее другое: «Свод этнографических понятий и терминов» появился на свет в качестве своего рода нормативного издания, совместно подготовленного учеными Советского Союза и ГДР. Впрочем, этот справочник не сильно отличается от других фольклористических справочников: в какой-то части он оказался и полезным (информативным), но и весьма нестрогим, без выдержанного порядка в толкуемых понятиях. Характерна вступительная статья к справочнику (авторы Б. Н. Путилов и Г. Штробах). Здесь можно прочесть: «Народные знания, фольклор и народное искусство *лишь условно* могут рассматриваться раздельно. В контексте традиционной жизнедеятельности этноса, в общем массиве его культуры эти три области составляют *труднорасчленимое целое* — по их включенности в практику коллектива и систему его миропонимания, по функциональной направленности, по характеру семантики. В свете сказанного одной из насущных задач современной этнографии является преодоление изолированного изучения указанных областей и поиски *комплексного подхода* к ним»² (выделено мной. — В. А.).

В этих суждениях всё характерно. Выделю слова об «*условном* разделении» народного знания, фольклора и народного искусства и о «включенности» этих трех указанных составляющих в «практику коллектива, систему его миропонимания». Целое обнаруживается в функциональной направленности, в характере семантики компонентов. Если речь идет о связи трех компонентов в составе *труднорасчленимого целого*, то о какой самостоятельности науки о народном искусстве можно говорить? По такому взгляду наука о фольклоре может существовать *только в составе других наук*, которые не допускают разъединения комплекса на

родного знания, практики народных коллективов, системы общего миропонимания и проч.

Отмечу тут прежде всего, что «труднорасчленимое» единство превращает единство в такое *целое*, из которого выделить компоненты невозможно (даже при учете чисто словесной оговорки о трудно допускаемой раздельности компонентов). Мысль авторов была куда более точной, если бы они заявляли, что фольклору присущ *синкретизм*, который именно демонстрирует прежде всего *невыведенность* компонентов, что компоненты целого пребывают в состоянии, при котором их не только трудно, но и *невозможно выделить*. Если бы авторы имели в виду только синтез — сложное единство, в котором компоненты связаны, но выделяемы, хотя и с трудом, то они не должны были бы определять усматриваемое целое как «*труднорасчленимое*».

Членят только неразделяемое. И дело тут не в отсутствии точности утверждения, а в самой характеристике целого, каким представляют соединение в фольклоре разных свойств. За словами о комплексности подхода к изучению народной культуры часто стоит мысль о невозможности раздельного изучения искусства слова и быта, вообще жизненной практики, речь идет о такой *изолированности* дисциплин, которая, в частности, устраниет *самостоятельное изучение фольклора как искусства слова*.

Практика последующего движения этнографии как науки показала, что предлагаемое толкование рассмотренных суждений не придирка, не повод к критике. Тут дело не в допущенной неточности выражения. Это декларация, своего рода «манифест», какими открывались многие тематические сборники Института этнографии в те далекие теперь годы. Мы имели дело с последовательно осуществляемой установкой на сознательное отстранение науки о народном искусстве от изучения массового народного художественного творчества. Здесь заявлено перевести изучение фольклора в разряд наук, которые по роду своего предмета не имеют отношения к фольклору как искусству, 165

¹ Народные знания, фольклор, народное искусство: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4 / отв. ред. Б. Н. Путилов, Г. Штробах. М., 1991.

² Там же. С. 18.

а если имеют, то косвенное. На этой почве возникло и грубое политическое обвинение сторонников иного изучения фольклора (в частности, как искусства) как «полицаев», но это уже касается другой статьи одного из названных авторов Б. Н. Путилова в журнале «Живая старина»³ (с характерной авторской пометкой: «Написано в 1991 г.»). Разбор этой статьи не входит в наши цели. Об этом должно писать особо и при намерении воссоздать атмосферу тех, теперь уже давних лет. Было бы уместнее вести разговор о последователях и продолжателях таких взглядов.

7. В связи со всем сказанным отмечу, что присутствие архаического состояния синкретизма в позднем фольклоре (в частности, в устном творчестве, к тому же известном нам по поздним записям) никто не доказал. Нельзя признавать истинность тезиса, правильность которого находится под большим сомнением. И тем более нельзя на признании правильности его основывать концептуальные идеи. Синкретизм — состояние культуры, исторически пройденное человечеством. В своем первоначальном виде оно не наблюдается даже у народов, которые по давней этнографической привычке именуют «первобытными», «дикими». Синкретизм — это архаика, его следы можно восстанавливать, можно указывать на его остатки, но как определяющее свойство это качество оказалось давно преодоленным культурой, заменилось синтезом. Синтез отличен от синкретизма тем, что являет собой соединение исторически развитых компонентов, самостоятельных в составе культуры. И этим синтез отличен от синкретизма. При прежнем соединении составные части являли собой неразвитые, несамостоятельные компоненты. При синтезе налицо соединение исторически развитых самостоятельных компонентов. Известная нам фольклорная культура как художественное творчество характеризуется не синкретизмом, а синтезом. При синтезе в фольклоре происходит соединение самостоятельных исторически развитых качеств и свойств. Это более высокое

стадиальное состояние. Известный нам фольклор как целое не синкретическая мифология. Ей нет места в развитой культуре. Фольклор преодолел стадию «доисторического» сознания. К выводам и суждениям о мифологических качествах поздней культуры ученых привела логика их собственных неточных размышлений. В фольклоре существуют разного рода остатки, «пережитки», или, как писали об этом в прошлом веке, «переживания», но нет неисторических «констант», нет надуманных «архетипов», которым якобы следует поздний фольклор. Такого рода логические конструкции и понятия принадлежат к области чистого умозрения.

Конечно, фольклор специфичен в своих свойствах, но он не вечная система особенного архаического миропонимания с особенной «функциональной направленностью», как состояние воображаемого архаизированного массового сознания вообще. Он специфичен тем, что его «семантика», его смысл (поэтическая образность — бессознательная в «утилитарных» жанрах и сознательная в художественных жанрах), жанровые структуры, речевой стиль — всё формировалось на путях длительного тысячелетнего развития. И как итог долгого исторического развития фольклор являет соединение художественного слова с другими свойствами, но уже не как с составными частями и компонентами древнейшего синкретизма. В нем налицо иная связь, иное единство частей и свойств. В фольклоре сочетается преодоленное, многократно переосмысленное наследие, «старина» и творчество поздних эпох, притом — при полном и бескомпромиссном преобладании последних. Свойства фольклорного творчества соответствовали мироощущению и мировоззрению народа каждой исторической эпохи, хотя оно всегда облакалось в унаследованные от предшествующих эпох традиционные формы. Традиционные структуры, традиционный стиль и все жанровые свойства лишь при явном искусственном умозрении и произволе умственных построений толкуются как явления архаического типа и с якобы внеисторическим содержанием, которое будто бы ставит мышление народной массы вне исторического

³ Русская фольклористика у врат свободы // Живая старина. 1994. № 1. С. 4—6.

развития. Ошибочно отождествлять его формы с самим содержанием народной массовой мысли.

Подведем итог сказанному. Взгляды, согласно которым изучение фольклора должно переместить в область этнографии, языкознания и в другие смежные науки, основаны на предположении, что предмет изучения в фольклористике не может быть постигнут из-за предполагаемой его якобы общей нехудожественной природы. Предположение несостоятельно и основано на внеисторических посылках в трактовке народной культуры, на отождествлении традиционных форм фольклора с его содержанием и ряде других произвольных предположений. Ошибочность заключений о ложном статусе фольклористики возникла также из-за переноса на изучение фольклора методов и принципов смежных наук. Междисциплинарное изучение требует осмотрительности. Взаимная поддержка наук не должна сопровождаться замещением одной науки другой. Каждой науке — свое.

8. В заключении по необходимости кратко коснусь примечательного явления наших дней. Науки гуманитарного цикла (в том числе и литературоведение) демонстрируют независимость от опеки смежных наук естественного цикла, а равно ищут свой особенный статус среди дисциплин гуманитарного разряда. Ныне, к счастью для всех, не в почете патронаж одной области знания над другой — какой бы важной она сама по себе ни была — будь это философия, политические дисциплины, социология и прочие. Исследователи в своих лучших побуждениях не приемлют догматизма — все равно какого: будь он политический (типа историко-социологической предвзятости) или научный (вроде семиотики во всех ее якобы *всеобщих* проявлениях). Каждая наука должна опираться на знание своего собственного предмета.

В этой связи упомяну о статье доктора филологии А. В. Михайлова. По-смертно в сборнике «Контекст — 1993»⁴

⁴ Михайлов А. В. Контекст — 1993. Литературно-теоретическое исследование. М., 1996. С. 4—19.

была опубликована его статья «Актуальные проблемы современной теории литературы». Автор говорил о том, что наука о литературе «должна принять и понять как свой закон»⁵ проявление ее *статуса* среди других областей знания. Как видим, и теория литературы ищет свой статус среди других наук.

А. Михайлов писал о том, что было бы, к примеру, совершенно неоправданно, неправомерно отсылать теорию литературы как знание о целом «к эстетике и философии — хотя наука о культуре и существует во внутреннем единстве с другими науками... она не может поверять *свое* чему-либо иному, а потому *не в состоянии* с пользой для себя *перенимать что-либо готовое из иной области знания* — от искусствоведения до физики. Не только все свое она обязана осмыслять в своих аспектах, но и все чужое... она обязана продумывать *в своих аспектах*, без чего и помимо чего любое заимствование внутрь науки о литературе совершенно бесперспективно и неконструктивно...»⁶ (выделено автором. — В. А.). Это сказано о теории литературы, но правильно и применимо и к другим наукам. Опыт развития и движения науки о фольклоре в последние два десятилетия подкрепляет вывод осмотрительного автора.

Всякий механический перенос в фольклористику методов смежных наук не имеет перспективы и неконструктивен. Развитие не только науки о фольклоре подтверждает эту истину. Идти надо своим путем. Свои пути и у фольклористики как науки со своим особым предметом — специфическим традиционным искусством народа. И методы этой науки исходят из понимания своеобразия художественного творчества в фольклоре. На этой и только на этой базе можно толковать об отношении фольклористики к смежным наукам. Их союз не должен сопровождаться поглощением одной науки другой. Необходимо каждой науке больше верить в собственные силы и не жить взаимой, даже если кому-то этого так хочется.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 16.